

Ирина Богатырева

НИКОМУ НЕ РАССКАЗЫВАЙ

Лучше бы она мне ничего не рассказывала.

Лучше бы она мне вообще ничего не рассказывала. Я нормально жила раньше, а теперь?

Вообще мы с Лерой не очень-то и дружили. Так, привет-привет. Нет, мне, конечно, всегда хотелось: Лера — она самая в классе нормальная. Такая уверенная, независимая. И не выпендривается. Она просто такая... полноценная, что ли. И поэтому у нее почти весь класс в друзьях. Ну, не весь, но есть *круг*, они всегда рядом с Лерой, смеются, о чем-то разговаривают, а она среди них просто находится, но сразу видно — это *ее* круг, а не наоборот.

А я что? Я же не стану навязываться.

Но однажды так получилось, что она меня заметила. Кажется, перемена была, я у окна стояла, а Лера с компанией рядом. А, точно: они обсуждали настройку одну в телефоне, чтобы видео не крутилось по умолчанию, и трафик лишний не шел. А я знала, как это настроить. Дайте, говорю. И сделала.

А Лера посмотрела на меня и сказала:

— Ты что у нас, компьютерный гений?

С насмешкой, конечно, сказала, но как-то необидно. Она умеет так: вроде и подколет, но ты счастлив.

А через неделю она ко мне после уроков подошла.

— Хочешь, тайну открою, — говорит.

Спокойно. Равнодушно даже. И на меня не смотрит. Так, в пустоту. Вроде это ей не надо. Это мне надо.

А у меня аж желудок подвело. И в груди еще похолодело, и даже ладони. Так бывает, когда чувствуешь: вот, сейчас случится что-то важное, пусть и не ясно пока, хорошее или нет, главное — не такое, как всегда. И ты не сможешь этого избежать. Никак не сможешь. Перед соревнованиями, например, у меня всегда так.

Я спросила:

— Какую еще тайну?

Но в горле пересохло, и получилось глухо, как из-под земли.

— Это показывать надо, — сказала Лера все так же равнодушно. — Только смотри, — она наконец перевела глаза на меня, — тут такое дело: от этого жизнь зависит. Если проболтаешься — конец. Поэтому и спрашиваю. Но я же вижу: ты человек надежный.

Я не помню уже, что на это ответила. Может, и ничего. Потому что было совершенно понятно: то, что

должно случиться, вот-вот произойдет. Выбора у меня не было.

Потом я думала: а что, если бы это сказал кто-то другой, не Лера? Или если бы я не хотела с ней общаться, не следила за каждым ее движением, не слушала ее голос на переменах, как будто в нем самом было что-то необыкновенное, отличающее Леру от остальных? Если бы мне не хотелось самой хоть капельку ее уверенности, спокойствия, ее равнодушия к чужому мнению. В общем, если бы не она?

Да я бы посмеялась и ушла.

И всё.

И ничего бы сейчас не было.

Это было после уроков. Мы с Лерой быстро оделись и ушли из школы так, чтобы никто за нами не увязался, — Лера специально за этим следила, несколько раз по дороге оборачивалась, как будто и правда за нами кто-то мог пойти. Со стороны это, наверное, выглядело подозрительно, но в тот момент я не думала, как мы выгядим со стороны. Я вообще ни о чем не думала, меня дрожь охватила. Я даже дорожку замечать не сразу стала.

А шли мы в сквер. Это не очень от школы далеко, и я это место прекрасно знала: там всегда безлюдно, даже в выходные и праздники. А как иначе?

Сквер при университете. Главное здание в глубине, а проспект, где остановка, магазины и вообще вся жизнь, в стороне. А тут ничего нет — просто деревья, большие, старые, ряд фонарей и три лавки. Всё.

Вот туда мы и пришли.

Точнее, я не сразу поняла, что туда. Я думала, мы дальше пойдем, просто здесь короче к центру срезать. Но Лера вдруг пошла медленнее и стала всматриваться в деревья. Как будто что-то искала. Потом и вовсе остановилась. Закинула голову и стала смотреть вверх, на большую старую ель.

Вскинула руку и говорит:

— Смотри.

Я и так уже смотрела, но ничего не видела. Елка как елка. Высокая. Так в сквере все такие: большие, разлапистые, под ними даже снег не ложится — не долетает. Желтая подстилка хвои вокруг. Нижние ветки почти касаются земли.

— Ты не туда смотри. Вон, наверху. Видишь, у ствола.

Лера приблизилась и заговорила мне в ухо шепотом. У меня от ее голоса мурашки побежали, и я совсем ничего уже не видела. Но глядела, глядела — и вдруг как заору:

— Сова! Лера, там же сова!

— Тихо ты, не вопи! — Лера замахала на меня руками, но по тому, как она заулыбалась, я поняла: мы именно за этим сюда и пришли, именно эту тайну она мне и хотела открыть.

Меня окатило признательностью и счастьем, как будто мне подарили что-то невероятно ценное. И я снова стала смотреть.

Сова была небольшая и сидела на ветке близко к стволу, почти к нему прижавшись, прямая как столбик. Она была бурая, с черными крапинками. На голове — уши. Лапы мощные и пушистые, крепкие когти вцепились в ветку.

И тут она открыла глаза и посмотрела прямо на меня, сверху вниз. Я вздрогнула. Я не ожидала таких глаз. То есть я вообще не ожидала, что она на меня посмотрит, а тем более такими глазами. Круглыми, совершенно не человеческими, но и не птичьими. Не похожими ни на что. Спокойные, внимательные, но не равнодушные — они оценивали нас, нашу опасность.

И, убедившись, что мы ничем ей не угрожаем, сова закрыла глаза.

Я выдохнула.

— Клевая, да? — услышала Лерин шепот.

— Ага. Спасибо.

Вдруг во мне плеснулась тревога.

— А почему жизнь зависит?

— Что? — не поняла Лера.

— Ты сказала, что от этой тайны зависит жизнь.

— Конечно. Никому говорить нельзя. Совы — ужасно редкие. Они не живут обычно в городах. Это просто чудо. И если о ней кто-то узнает, обязательно что-нибудь произойдет.

— В смысле?

— В прямом. Сову нельзя тревожить. А если люди узнают, ее станут фотать, станут ей мешать. Еще кто-нибудь попытается поймать.

— Зачем?

— За деньги показывать. Видела, стоят такие люди в центре, с енотами, там, с обезьянами? И с птицами тоже иногда, обычно хищными. Они их мучают, птицы быстро умирают.

— Почему? — Во мне все сжималось, как от боли, от каждого ее слова.

Но Лера только пожала плечами. Видно было, что она давно привыкла к этому тяжелому знанию.

— Они их кормят неправильно. Они им мясо дают, а совам мясо нельзя, только мышей.

— Откуда ты все это знаешь? — не выдержала я. Мне хотелось как-то защититься. Вдруг она врет? Вдруг выдумывает, и всё на самом деле не так!

Но Лера сказала спокойно:

— У меня папа — орнитолог. Он мне ее и показал. Только никому, поняла! Я тебе рассказала, потому что ты человек надежный. И животных любишь, я же знаю. Поэтому я тебе только, а ты — ни-ни!

Я закивала головой. У меня уже перехватило горло, я просто не могла больше ничего сказать. Я чувствовала и гордость, и счастье, и благодарность, и холодящий страх. Меня разрывало от всего этого.

Сова сидела наверху с закрытыми глазами.

— Лера, — сказала я, когда меня немного отпустило.

— Чего?

— А можно ее сфотографировать? Один разок. На память.

— Можно, — разрешила Лера. — Только без вспышки. И не выкладывай никуда. И лучше никому не показывай.

— Я не буду, честное слово! Ни за что.

У меня тряслись руки, пока я фотографировала.

— А теперь пойдем, — сказала Лера. — Не стоит ее тревожить, мы и так уже долго.

Лера не соврала: сова и правда была редкая.

Я, конечно же, полезла сразу в интернет, только мы расстались. Сова называлась ушастая, и она в наших местах гнездится, на зиму не улетает, вот почему

мы ее увидели в феврале. В городах обычно не живет. Раньше жила, писали в статье, но теперь ее вытесняют вороны, которые могут убить даже взрослую птицу. Питается мелкими грызунами и птицами, а от простого мяса может умереть — не сразу, но постепенно. Потом я еще почитала про браконьеров. И про содержание хищных птиц в неволе, но поняла только, что это ужасно трудно. И что этого лучше не делать.

Но главное, что я поняла: Лера ни в чем не соврала. Но от этого мне не стало легче. Наоборот: лучше бы она меня обманула, и все было бы не так страшно. А еще лучше, если бы она мне вообще ничего не рассказывала.

У меня в груди как будто стал надуваться шарик. Держать его в себе было невозможно, хотелось кричать про эту сову, показать фотку в телефоне, повесить ее себе на аватарку, отвести к дереву маму, папу, вообще всех! Но я сидела перед монитором, оттуда смотрела с фотографии такая же сова, только другая, и я чувствовала, как что-то густое окружает меня, наполняет комнату, вот ноги увязли, вот и руки увязли, мне уже по шею, мне трудно дышать. Ответственность, тяжелая, чугунная, навалилась и задавила шарик в груди. Чужая жизнь, уникальная, редкая, зависела теперь от того, умею ли я молчать.

Ну и пусть, что не человеческая. Все равно жизнь. Хрупкая. Настоящая.

Фотка в телефоне получилась так себе. Сова сидела высоко, и сквозь хвою ее сложно было отличить от ствола. Совы, которые попадались в интернете, были похожи, но не такие, само собой. Я-то помнила, какой у нее взгляд — темный, спокойный. И еще мне казалось, в нем была просьба: не рассказывай. Только никому про меня не рассказывай. Сова представлялась мне теперь не только мудрой, не только потусторонней, как о них всегда пишут, но и беззащитной перед всеми опасностями, которые ее окружали.

Мы с Лерой о сове не говорили. Ни на следующий день, ни потом. Мы вообще по-прежнему почти не общались, но в то же время как будто стали ближе. Незаметно для себя я вошла в ее круг. И все это приняли, как будто я всегда тут была. Меня о чем-то спрашивали. У меня консультировались по математике и информатике. Я впервые оказалась в центре внимания. Но удивительно: я ничего в связи с этим не почувствовала. Мне вдруг стало безразлично, что обо мне думают другие, как на меня смотрят, замечают ли вообще. Все это оказалось такой ерундой по сравнению с тем, что я теперь носила в себе и о чем надо было молчать.

Я старалась не думать о сове. Но попробуйте не думать о чем-то! Меня как будто тянуло к ней, я то и дело открывала фотку на телефоне, но даже и без нее перед глазами постоянно возникал ее взгляд. Сова смотрела на меня из своего мира, спокойно, без укора, а я изнывала от страха за нее и от стыда за людей и за собственную слабость.

Я запрещала себе ходить в сквер. Мне казалось, что я выдам ее, если хоть на секунду задержусь под тем деревом, хоть краешком глаза посмотрю туда. Вдруг за мной кто-то следит. Вдруг кто-то уже слышал о сове, только не знает, где она, и сразу все поймет, обо всем догадается. Нет, я не могла такого допустить.

Раньше я в сквере появлялась два раза в неделю, мне на секцию удобно срезать. Теперь же сложно было представить: я два раза в неделю ходила *там*. То есть я четыре раза за неделю проходила мимо *той* ели и ничего не знала, и не подозревала. И была счастлива.

Была счастлива?

Да, теперь я так думала. И злилась на Леру за то, что она мне рассказала. Злилась, мучилась, хотела подойти к ней и сказать: всё, я ничего не знаю, и не надо мне этого, никакой ответственности, никакой тайны! Но потом я ловила ее взгляд, и казалось, что

она одобрительно улыбается. Слегка. Уголками губ. *Ты же надежный человек.* И злость пропадала.

Так постепенно я привыкала к сове. К той, которая теперь жила внутри меня.

Но один раз я все-таки не выдержала: я сходила. Вечером, после тренировки. Я обычно звонила папе, и он меня встречал. Раньше у сквера, потом я его стала просить на остановке на проспекте. Но в тот день я выскочила раньше, папе не позвонила и рванула одна.

Сквер был пустой и мокрый, фонари отсвечивали в талых лужах. Там красивые фонари, как в Нарнии, и вообще сквер очень уютный, и, хотя я там миллион раз была вечерами, в тот раз мне показалось, что это совершенно незнакомое место.

Я бежала бегом и запыхалась, но, когда выскочила на дорожку, пошла тише, унимая дыхание и сердце, считая деревья. У нужного остановилась. Подошла ближе. Стала всматриваться в густую крону.

Я смотрела до рези в глазах, но ничего не видела. Мне стало страшно. Я подошла вплотную, продравшись сквозь ветки, обняла ствол и смотрела вверх, пока не закружилась голова. Дерево показалось мне коридором, уходящим в темноту. Темнота была густая, пахло землей и прелой хвоей. Мне казалось,

будешь смотреть долго, и тебя унесет в этот коридор, затянет, ты растворишься и исчезнешь.

Но совы в конце коридора не было. Там вообще ничего не было. И вокруг ничего. Просто пустой сквер в центре города. Совершенно безжизненный.

В кармане зазвонил телефон. Звонил папа. Он был на остановке. Он меня потерял. Пришлось соврать, что нас задержали, и я скоро буду. Пришлось возвращаться на проспект. Не могла же я сказать, что пошла через сквер. Не могла же рассказать, почему это сделала.

Спала я плохо и все время думала о сове — о том, что с ней могло случиться. Успокаивала себя, что она просто полетела охотиться или сидела себе спокойно на другом дереве. Но мне не помогало. Утром я была невыспавшаяся и раздраженная, в школе ни о чем больше думать не могла. И после уроков рванула в сквер.

Я увидела ее сразу, стоило остановиться у нужного дерева. Она сидела, прислонившись к стволу, и была не такая вытянувшаяся, не такая настороженная, как в первый раз. Глаза закрыты, уши сложены. Она спала.

И я почувствовала, как во мне все расслабилось и стало мягким и добрым. Меня заполнили спокойствие и тишина. Сова спала, у нее все хорошо. Как будто в мир вернулись гармония и простота.

Я простояла там недолго, не больше минуты. Потом в конце сквера кто-то появился, и я сделала вид, что стою тут просто так, сообщение набираю. Сунула телефон в карман и быстро пошла, с самым беспечным видом — просто подросток, просто иду из школы, кто что может подумать?

Я была спокойна. И я знала, что это теперь моя сова. Не Лерина, а моя.

Так прошел месяц, и я к сове совсем привыкла. Я даже начинала забывать о ней, хотя и знала, что это ничего не значит. Она жила своей жизнью, я — своей, но мы все равно были связаны. Это нормально: не обязательно каждый день видеть друг друга, чтобы знать, что ты есть у кого-то, а он — у тебя. Мне было просто хорошо: у меня была своя сова, своя тайна.

Все кончилось в апреле.

Можно я не буду про это рассказывать?

А, хотя какая теперь разница...

Короче, у нас был медосмотр. Это гадость еще та, и вот про нее я точно не буду рассказывать. Тут важно только, что мы были не в школе, а торчали в поликлинике. Только девочки — у парней свой медосмотр. Все шло медленно, мы скролили всякую фигню в сети, просто время убивали, и вдруг кто-то как вскрикнет: